Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3 (36). С. 303-306.

УДК 821.161.1 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.3(36).303-306

Е.А.Фёдорова

«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» КАК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Роман «Униженные и оскобленные» (1861) становится новым экспериментальным произведением Ф.М.Достоевского, из которого вырастают будущие романы «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы». В первом после каторги романе Достоевского соединяются традиции Пушкина и Гоголя, западноевропейского авантюрного и фельетонного романа, и дидактического произведения древнерусской словесности. Симметричная композиция романа (история матери Нелли и судьба Наташи), притчевый сюжет, обращение к церковному календарю, аллюзии к Евангелию на идейном и сюжетном уровнях продолжают традиции проложной повести древнерусской словесности. Новые типы героев, символика хронотопа и предметной детали, передача авторских идей своим героям, некоторые сюжетные ходы затем будут использованы Достоевским в своем «великом пятикнижии».

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, «Униженные и оскорбленные», евангельские аллюзии, церковный календарь, традиции древнерусской словесности

«Униженные и оскобленные» (1861) — это первый роман Ф.М.Достоевского, написанный после каторги и ссылки. Этим романом Федор Михайлович стремится повторить успех своего произведения «Бедные люди». Писатель обращается к традициям Пушкина и Гоголя, как и в своем первом романе. М.С.Альтман, Д.Д.Благой, сопоставляя прозу Пушкина и Достоевского, останавливаются, прежде всего, на сюжетных параллелях [1; 2]. Действительно, в романе «Униженные и оскорбленные» есть сюжетный мотив несостоявшегося венчания влюбленных, как в повести «Метель» [3, с. 67], непримиримой вражды бывших приятелей, которая переросла в судебное расследование и разорение одного из них, как в «Дубровском» [3, с. 68], притчевый сюжет блудной дочери, как в повести «Станционный смотритель» [3, с. 216]. Идеалом семейных отношений для Достоевского становится семья капитана Миронова из пушкинской повести «Капитанская дочка». В момент возможной разлуки, когда муж предлагает оставить его в преддверии будущих жизненных тягот, Анна Андреевна ведет себя так же, как Василиса Егоровна: «Да на кого ж я без тебя останусь!» [3, с. 115].

Но Достоевский создавал петербургский роман, поэтому «петербургский текст» Пушкина также привлекал его внимание. Следует сопоставить описание Петербурга у Пушкина и Достоевского: Нелли, оказавшись у Бубновой, жила в доме гробовщика желтого цвета [3, с. 162] — желтым цветом был окрашен дом гробовщика в одноименной повести Пушкина («Повести Белкина»). Когда Иван Петрович переселяется в квартиру Смита, идет «мокрый снег, пополам с дождем» [3, с. 96], как и в минуту выбора, который делает Германн в «Пиковой даме», стоящий под окнами графини.

Менее замечены исследователями связи романа с творчеством Гоголя. Отношения Николая Сергеевича и Анны Андреевны Ихменевых напоминают нежную любовь старосветских помещиков Гоголя: «Во взглядах его было столько нежности. Он был испуган ее болезнью; чувствовал, что лишится всего в жизни, если ее потеряет [3, с. 251]. Мотив прозрения объединяет героя повести «Шинель» и Наташу Ихменеву: «Мне вдруг припомнилось, говорила она мне потом, что я, безумная, жестокая, могла выгнать тебя, тебя моего друга, моего брата, моего спасителя! И как увидела, что ты бедный, обиженный мною, сидишь у меня на лестнице, не уходишь и ждешь, пока я тебя опять позову, — Боже! Если б ты знал Ваня, что тогда со мной сталось! Как будто в сердце мне что-то вонзили…» [3, с. 353]. Наташа в этот момент вспоминает слова отца, сказанные о первом романе Ивана Петровича, которые перекликаются с проблематикой повести Гоголя: «…зато познается, что самый забытый, последний человек есть тоже человек и называется брат мой!» [3, с. 73].

В то же время работа над новаторским по форме произведением «Записки из Мертвого дома» и напряженные размышления Достоевского о назначении искусства приводят его к необходимости создать произведение с новым жанровым содержанием, в котором бы соединились элементы европейского романа и традиции древнерусской словесности. Роман «Униженные и оскорбленные» был первым шагом на этом пути, а итогом стали новаторские романы «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1880).

В.Н.Захаров определил жанровую форму этого произведения как «фельетонный роман»: его содержание занимательно и злободневно, повествовательный интерес держится на загадке, роман открывает «петербургские тайны», семейные тайны обитателей дворцов и трущоб [4, с. 196]. В романе «Униженные и оскорбленные» продолжаются также традиции автобиографического и авантюрного романа.

Достоевский вводит в роман автобиографические аллюзии, как это было сделано в «Записках из Мертвого Дома», которые создавались параллельно с «Униженными и оскорбленными». Н.Ф.Буданова отметила автобиографический характер рассказчика Ивана Петровича: об этом свидетельствуют успешный литературный дебют писателя, восторженная оценка его первого романа «критиком Б.» (Белинским), взаимоотношения молодого писателя с его «антрепренером» (издателем Краевским), а также быстрое

охлаждение критики к начинающему литератору [5, с. 181]. Кроме того, Иван Петрович пересказывает Нелли сюжет романа «Бедные люди» как сюжет своего романа [3, с. 249-250]. В.Н.Захаров отметил, что в романе описан личный экземпляр Евангелия, который был подарен Достоевскому в январе 1850 года в Тобольском остроге женами декабристов [6]. Кроме того, автобиографический сюжетный мотив обучения грамоте по Новому Завету (Смит и Нелли) соответствует подобному сюжетному мотиву в «Записках из Мертвого Дома» (Горянчиков и Алей) [3, с. 368-369]. Воспоминания Ивана Петровича о детстве и чтении журнала «Детское чтение для сердца и разума» также можно отнести к автобиографическим аллюзиям [3, с. 59]. Наконец, упоминание литературных врагов в журнале «Северный трутень» отсылает читателя к журналу «Северная пчела», в котором были отрицательные рецензии Булгарина и Бранта на произведения Достоевского [3, с. 75].

С одной стороны, Достоевский искал приемы привлечения внимания читателя, как это происходит в бульварном романе. Образцом может служить роман Э.Сю «Парижские тайны», который упоминает Маслобоев в романе: это остросюжетность, любовные треугольники, детективная история, семейная тайна [7, с. 183-185]. Однако, несмотря на эту близость, Достоевский ставил совершенно иные задачи в своем романе, поэтому его главных героев нельзя назвать «застывшими типами бульварного романа» [8, с. 186].

Во время встречи в Твери в августе 1859 г. Федор Михайлович Достоевский рассказал брату Михаилу о замысле нового романа. Вернувшись в Петербург, Михаил Михайлович высказал в письме от 21 сентября 1859 г. свои мысли о двух новых романах: «Милейший мой, я, может быть, ошибаюсь, но твои два большие романа будут нечто вроде “Lehrjahre und Wanderungen Вильгельма Мейстера”. Пусть же они и пишутся, как писался “Вильгельм Мейстер”, отрывками, исподволь, годами. Тогда они и выйдут так же хороши, как и два Гетевы романа <...> Мне бы очень хотелось, чтоб в Твери ты написал что-нибудь хорошее, из ряду вон» [9, с. 515]. А.С.Долинин увидел общее между романома Гете и Достоевского: автобиографичность главного героя, основная идеологическая концепция — отказ от эгоистически индивидуального в пользу социальности, сходство между образом Миньоны у Гете и Нелли у Достоевского [9, с. 561].

Роман воспитания И.В.Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера» показывал духовное возрастание души героя, его освобождение от эгоизма. Значительную роль в этом сыграли героини этого произведения — Миньона и Наталья. Роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» несет в себе элементы романа воспитания: история Наташи зеркально отражает судьбу матери Нелли, рассказ Нелли отцу Наташи о гибели матери от жестокости отца, который не нашел в себе силы при жизни дочери простить ее, становится предупреждением для Николая Сергеевича Ихменева, отца Наташи. Введение церковного календаря в роман превращает его в воспитательное чтение: начинается действие в сентябре, накануне праздника Воздвижения Животворящего Креста, а завершается в Светлое Христово Воскресение примирением отца и дочери. Обращение к церковному календарю обычно происходит в Четьях-Минеях. Кроме того, истории Наташи и матери Нелли — это две вариации на один евангельский сюжет — притчи о блудном сыне. Притчевый сюжет продолжает традиции дидактической проложной повести древнерусской словесности, повести о проверки Писания [10, с. 71-73]. Таким образом, роман-воспитание под пером Достоевского становится дидактическим жанром, созданным в русле древнерусской традиции, направленным на «восстановление погибшего человека». Именно так определил задачи литературы Ф.М.Достоевский в предисловии к изданию романа В.Гюго «Собор Парижской Богоматери» [11, с. 28].

Основная тема в романе — христианская: «Она обозначена в датах христианского календаря (кульминация событий приурочена к Пасхе), в присутствии Евангелия в тексте романа, в имени Христа, в идеале и идеях героев, в христианском преображении традиционных романных мотивов «разбитых сердец», «несбывшихся надежд», «неустроенных судеб». В страданиях яснеет Истина» [4, с. 199-200]. Кроме того, Достоевский вводит в роман пасхальный рассказ — историю Нелли [7, с. 121-122].

Н.Ф.Буданова отметила смешение хронологии в романе (показаны события и факты 1840-х и 1850-х — начала 60-х годов), что, по ее мнению, позволило показать преемственную связь общественной жизни России 1840-х и 1850-х гг., а также поставить проблему трагической оторванности интеллигенции от «почвы» [5, с. 181]. Кружок нигилистов, куда ездит Алеша вслед за Левинькой и Боринькой, «с пламенной любовью ко всему человечеству» [3, с. 228-229], предвосхищает «наших» в романе «Бесы» и кружок Дергачева в романе «Подросток».

Н.Ф.Буданова показала в романе «Униженные и оскобленные» переходную форму романа, создание нового для писателя идеологического романа: идея романа — это проблема эгоизма в ее религиозно-этическом, философском и социальных аспектах (хищнический эгоизм Валковского, наивный и непосредственный эгоизм Алеши и Кати, эгоизм жертвенной любви Наташи, эгоизм страдания Нелли и старика Ихменева), Валковский — это герой нового типа, идеолог, предшественник «подпольного парадоксалиста», Свидригайлова, Ставрогина [5, с. 183]. Следует добавить, что красивое лицо Валковского воспринимается окружающими как маска и не производит приятного впечатления, как и у будущих героев Достоевского — Свидригайлова и Ставрогина [5, с. 146]. В идеологическом романе разворачивается борьба идей: Валковскому противопоставлен Иван Петрович как альтруист и предшественник князя Мышкина [5, с. 184]. Роман призван утвердить идею христианской любви к ближнему: забывает о своем чувстве Иван Петрович, погружаясь в сопереживание Наташе, отказывается от гордости Ихменев, даруя прощение своей «блудной дочери» в Светлое Христово Воскресение. Помогает ему в этом рассказ Нелли, которая выполняет просьбу Ивана Петровича. Иван Петрович, как Мышкин, страдает за Наташу до боли в сердце: «Я действительно почувствовал, что меня как будто что ударило в самое сердце» [3, с. 201].

Система образов в романе выстраивается не по принципу положительных и отрицательных персонажей, а по способности героев к любви и прощению. Выделяется из всех персонажей Нелли, которую Н.Ф.Буданова сопоставляет с героиней романа «Идиот», Настасьей Филипповной: общим становится эгоизм страдания и неумение прощать при общем благородстве характера [5, с. 184].

В идеологическом романе Достоевского его герои (даже отрицательные) несут авторские идеи. Роман «Униженные и оскорбленные» оказывается первым в этом ряду. Валковский высказывает идею «заголения» человека при отсутствии светских условностей, что потом прозвучит в рассказе «Бобок» [3, с. 298]. Идея очищения души страданием, которой делится Наташа с Иваном Петровичем, предвосхищает идею романа «Преступление и наказание»: «Надо как-нибудь выстрадать вновь наше будущее счастье; купить его какими-нибудь новыми муками. Страданием все очищается…» [3, с. 127]. Кроме того, Николай Сергеевич Ихменев, подобно Мармеладову, стремится возвысить свою униженную дочь, вспоминая евангельский сюжет «Христос и грешница»: «О! Пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вместе и пусть, пусть теперь торжествуют эти гордые и надменные, унизившие и оскорбившие нас! Пусть они бросят в нас камень! Не бойся, Наташа… Мы пойдем рука в руку, и я скажу им: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрешная дочь моя, которую вы оскорбили и унизили, но которую я, я люблю, и которую благословляю во веки веков!» [3, с. 378].

Таким образом, роман «Униженные и оскорбленные» соединяет элементы автобиографического, фельетонного и авантюрного романа, романа воспитания, но, опираясь на предшествующий опыт Пушкина и Гоголя, Достоевский продолжает традиции древнерусской словесности, которая преследовала главную цель — спасение души. Окончательное становление новой жанровой формы происходит в романе «Подросток».

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

1. Альтман М.С. Достоевский: по вехам имен. Саратов, 1975. С. 23-32.
2. Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин // Достоевский — художник и мыслитель: сб. эссе и статей. М., 1972. С. 344-350.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. IV. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 2000. 955 с.
4. Захаров В.Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. Москва: Индрик, 2013. 456 с.
5. Буданова Н.Ф. «Униженные и оскорбленные» // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К.Щенников, Б.Н.Тихомиров. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 181-185.
6. Захаров В.Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: В 2 т. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. М.: Русскій міръ, 2010. С. 5-35.
7. Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этиологические аспекты. Москва: Индрик, 2012. 264 с.
8. Шарипова Д.Д. О влиянии жанра бульварного романа на творчество Ф.М.Достоевского: «Братья Карамазовы» // Достоевский и современность. Материалы XXXI Международных Старорусских чтений 2016 года / Отв. ред. С.Л.Шараков; Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2017. С. 182-190.
9. Долинин А.С. Письма М.М.Достоевского к Ф.М.Достоевскому // Ф.М.Достоевский: Материалы и исследования. Ленинград: Издательство АН СССР, 1935. С. 505-555.
10. Ромодановская Е.К. От цитаты к сюжету. Роль повести-притчи в становлении новой русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1994. С. 66-75.
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20: Статьи и заметки. 1862—1865. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение, 1980. 432 с.

References

1. Al'tman M.S. Dostoevskiy: po vekham imen [Dostoevky: on the milestones of names]. Saratov, 1975, pp. 23-32.
2. Blagoy D.D. Dostoevskiy i Pushkin [Dostoevky and Pushkin]. In: Dostoevskiy — khudozhnik i myslitel': sb. esse i statey. Moscow, 1972, pp. 344-350.
3. Dostoevskiy F.M. Complete works, vol. IV. Petrozavodsk, 2000. 955 p.
4. Zakharov V.N. Imya avtora — Dostoevskiy [The author's name is Dostoevsky]. Moscow, 2013. 456 p.
5. Budanova N.F. Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty [Dostoevsky: Works, letters, documents]. Saint Petersburg, 2008, pp. 181-185.
6. Zakharov V.N. Dostoevskiy i Evangelie [Dostoevky and Gospel]. In: Evangelie Dostoevskogo in 2 vols, vol. 2. Moscow, 2010, pp. 5-35.
7. Zakharov V.N. Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of Historical Poetics]. Moscow, 2012. 264 p.
8. Sharipova D.D. Dostoevskii i sovremennost' [Dostoevsky and the present]. In: Sharakov S.L., ed. Proc. of “XXXI International Staraya Russa Readings 2016”. Veliky Novgorod, 2017, pp. 182-190.
9. Dolinin A.S. Pis'ma M.M.Dostoevskogo k F.M.Dostoevskomu [Letters from M.M.Dostoevky to F.M.Dostoevky]. In: F.M.Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya. Leningrad, 1935, pp. 505-555.
10. Romodanovskaya E.K. Ot tsitaty k syuzhetu. Rol' povesti-pritchi v stanovlenii novoy russkoy literatury [From quote to plot. The role of the story-parable in the formation of new Russian literature]. Coll. of papers “Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII—XX vekov”. Petrozavodsk, 1994, pp. 66-75.
11. Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 20. Leningrad, 1980. 432 p.

Fedorova E.A. “Humiliated and Insulted” as an experimental novel by F.M.Dostoevskiy. The novel “Humiliated” and Insulted (1861) becomes a new experimental work of F.M.Dostoevkiy, from which the future novels “Crime and Punishment”, “Demons”, “Idiot”, “Teenager”, “The Brothers Karamazov” grow. Dostoevkiy's first novel after hard labour in exile combines the traditions of Pushkin

and Gogol, a Western European adventurous and feuilleton novel, and a didactic work of Old Russian literature. Symmetric composition of the novel (story of mother Nelly and Natasha's fate), parable story, appeal to the Church calendar, allusions to the gospel on the ideological and narrative levels continue the tradition of the paving tale of Old Russian literature. New types of heroes, the symbolism of the chronotope and the subject detail, the transfer of author's ideas to their heroes, some plot moves will then be used by Dostoevskiy in his "Great Pentateuch".

Keywords: F.M.Dostoevskiy, Humiliated and Insulted, evangelical allusions, church calendar, traditions of Old Russian literature.

Сведения об авторе. Елена Алексеевна Фёдорова — д-р филол. наук (специальность 10.01.01 — «Русская литература»); ФГАОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова», профессор кафедры теории и практики коммуникации; ORCID: 0000-0001-7756-2499; sole11@.yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к публикации 15.03.2021.

Ссылка на эту статью: Фёдорова Е.А. «Униженные и оскорбленные» как экспериментальный роман Ф.М.Достоевского // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3(36). С. 303-306. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).303-306

For citation: Fedorova E.A. "Humiliated and Insulted" as an experimental novel by F.M.Dostoevkiy. Memoirs of NovSU, 2021, no. 3(36), pp. 303-306. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).303-306